

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС (МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА)

А.Д. Дононбаев

Дан анализ неолиберальной концепции глобализации и мирового экономического кризиса. Рассматриваются исследования в области мирового экономического кризиса и неолиберальная модель глобализации как основа современной системы международных отношений.

Ключевые слова: экономический кризис; неолиберализм; неореализм; глобализация; концепция.

Люди внимательные уже давно заметили, что во второй половине XX в. и начале XXI в. события глобального, регионального и местного масштаба прямым, непосредственным образом все чаще и глубже оказываются взаимно переплетенными. И даже малозаметное событие, происшедшее где-то в глубинке, на краю земли, неожиданным образом оказывает свое воздействие на планетарные процессы. Наступило время, когда мы уже не можем, как раньше, с относительным спокойствием наблюдать за событиями, происходящими даже где-то далеко от нас.

Мы не ведаем, каким хитросплетением жизненных обстоятельств они отзовутся на наших делах. Но они отзываются. Планета становится слишком хрупкой. Уязвимость современного мира возрастает. И нельзя не обращать внимания на события, представшие перед нами в образе неких знамений. Эти знаменья не просто потрясают, но и вызывают длительный шок. Одним из таких знамений стал наступивший мировой экономический кризис.

Как показывает ход мировых событий, одна из наиболее серьезных опасностей глобализации – нестабильность финансовых рынков в процессе их самоорганизации. Например, локальный кризис в Юго-Восточной Азии (1997–1998 гг.) породил лавину разорений на рынках других регионов. Вот почему в экономической сфере “стратегия управляемых кризисов” (например, для такой мощной страны, как США) сводится к тому, чтобы ослаблять наиболее опасных потенциальных экономических конкурентов, не создавая системных рисков для мировой экономики в целом. В этой связи трудно предсказать, каковы будут длительность, глубина, масштаб и последствия финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 г.

Критически осмысливая *неолиберальные представления* о роли рыночных механизмов, Дж. Сорос подчеркивает, что традиционное представление о способности рынков к саморегулированию, популярное со времен М. Тэтчер и Р. Рейгана, на самом деле безосновательно, и

подтверждением тому служат регулярные кризисы. Случайное стечение обстоятельств, связанное с предрассудками и действиями людей, может повлиять на направление развития экономики.

Например, финансовые кризисы, отмечают исследователи, явление не уникальное для современного мира. Иногда это банковские кризисы, иногда – валютные, зачастую совпадают обе формы. В развивающихся странах за банковским кризисом часто следует валютный. В зависимости от масштабов поражения кризис может носить системный характер. Выделяется и кризис внешнего долга, когда страна неспособна нести обязательства по внешним долгам – как государственным, так и частным. Кризисы, как правило, начинаются одинаково: в результате резкой коррекции цен на активы, резкого сокращения кредитов или снижения внешних финансовых потоков внезапно теряется доверие к валюте или банковской системе страны, обнажаются структурные экономические и финансовые дисбалансы. Если последние серьезны, а решения властей очевидно неэффективны – кризиса не избежать¹.

МВФ провел исследование валютных и банковских кризисов в 50 странах в период 1975–1997 гг. За это время насчитано 158 валютных кризисов, включая 55 валютных обвалов и 54 банковских кризиса. Интересно, что валютные кризисы относительно преобладали в более ранний период (1975–1986 гг.), тогда как во второй половине (1987–1997 гг.) участились банковские кризисы, что исследователи связывают с большей *финансовой либерализацией*. В большинстве случаев банковский кризис предшествовал валютному кризису (в 13 случаях произошел за год до валютного, в 10 случаях – за два года, в 12 – одновременно). Причины финансовых кризисов экономисты видят в таких факторах, как неустойчивость макроэкономической политики, слабость внутреннего финансового сектора или проблемы на глобальном финансовом рынке, колебания обменного курса, политическая нестабильность. Банковские кризисы, по словам известного экономиста Кеннета Рогоффа, проходят по одному общему сценарию: повышение цен на недвижимость и другие активы, ускорение притоков иностранного капитала, быстрая аккумуляция долгов и мгновенно резуль-

тирующая кривая экономического роста в виде перевернутой буквы V.

По подсчетам Рогоффа, который изучил 18 банковских кризисов в развитых странах, 5 жесточайших кризисов, зафиксированных в развитых странах, привели к снижению темпов роста на 5 процентных пунктов, а восстановление заняло более 3 лет. Неудивительно, что в исследуемом спектре в развивающихся странах зафиксировано почти в два раза больше банковских и валютных кризисов, чем в странах развитых. Подсчитано, что банковские кризисы в развивающихся странах в среднем вызвали падение темпов экономического роста на 12,1 процентных пункта, в 86% случаев кризис повлек за собой фактическое снижение производства, а восстановление в среднем происходило в течение 2,8 лет. Для развивающихся стран испытание глобализацией часто носило шоковый характер. В “ревущих” 1980–1990-х много стран развивающегося лагеря пострадало от финансовых кризисов. В начале 1980-х – Аргентина и Чили, в 1982-м сокращение внешнего финансирования больно ударило по Колумбии, Перу, Уругваю, в 1994–1995-м жертвой системного кризиса пала Мексика, в конце 1990-х – Юго-Восточная Азия и Россия. Однако несмотря на то, что потери производства в развивающихся странах были сильнее, чем в развитых, времени на его восстановление в развивающихся странах ушло меньше.

Кстати, после нестабильных 1990-х многие заговорили о силе спекулятивного иностранного капитала. Для привлечения иностранных инвестиций развивающиеся страны поспешно проводили либерализацию своих финансовых систем. Однако либерализация не сразу привела к притоку желаемых и более безопасных прямых иностранных инвестиций, а наоборот, снимая ограничения для местных компаний на внешние заимствования, способствовала утечке национального капитала и притоку спекулятивных инвестиций в виде международных займов. Приток иностранного капитала повышал курс внутренней валюты, увеличивая импорт и создавая дефицит торгового баланса. В то же время потребители и компании выражали естественное желание брать займы по более низким ставкам и в более слабой иностранной валюте (т.е. долларе). Сильная внутренняя валюта и высокие процентные ставки еще больше привлекали краткосрочные инвестиции. *Эти ликвидные инвестиции первыми и покидали зашатавшиеся местные финансовые рынки, приводя к банковским кризисам 1990-х.*

¹ См.: Курманова А. В мире финансовых кризисов // Экономические стратегии. Центральная Азия. – 2008. – № 3. – С. 30–37.

Подобный классический механизм сработал и в Казахстане, где в последние годы наблюдалось наличие целого ряда факторов, способствовавших сегодняшнему кризису. Известно, что помимо роста краткосрочной внешней задолженности, приток капитала через внешние долги местных банков, нефтедоллары и бюджетные расходы создал кредитный бум и привел в действие механизм по дальнейшему накоплению долгов, “переливу” инвестиций в недвижимость и цен на нее. Последовавшее за этим ужесточение монетарной политики и борьба с инфляцией, совпав с внешними глобальными потрясениями и повышением мировых процентных ставок, привело к сегодняшним последствиям.

Таким образом, справедлива мысль, что с недавними финансовыми потрясениями мир быстро вошел в новую эру турбулентности. Эпоха всеобщего экономического благосостояния как-то быстро завершилась, и некогда фантастические картины футурологических катастроф стали как никогда реальными. Двухлетний кризис показал сразу обе свои сущности – продовольственную и энергетическую. Это наводит на мысль, что мы попались в мальтузианскую ловушку, и ресурсов земли хватит только на счастливый “золотой миллиард”.

Сейчас становится очевидным, что механизм неолиберальной модели глобализации неизбежно порождает глубокий разрыв между богатством одних и бедностью других.

Во-первых, согласно парадоксу Лукаса, человеческие ресурсы в развивающихся странах гораздо дешевле, чем в развитых странах, поэтому доходность инвестиционной деятельности теоретически должна быть более высокой в бедных странах и более низкой в богатых странах. Соответственно, логичным кажется движение капитала из богатых стран в бедные. Но в реальности международные денежные потоки перераспределяются между богатыми странами. Более того, развивающиеся страны тоже инвестируют капитал в богатые страны. Почему капитал не направляется от богатых стран к бедным? По мнению Ф. Мишкина, причина кроется в неспособности рынков бедных стран распределить и использовать капитал продуктивно. Развитие успешно функционирующей финансовой системы является ключевым моментом для эффективного развития экономики. При этом развитая финансовая система опирается не только на банковский сектор, но в равнозначной степени – на рынок ценных бумаг.

Во-вторых, все более отчетливо проявляется закон неравномерности развития участников глобализационного процесса, обострение конкуренции в борьбе за наиболее выгодные ниши глобальной экономики. Чудовищным отражением такого неравенства является распространенное на планете царство голода. Как отмечают аналитики, с октября 2007 г. голодные бунты имели место уже более чем в 40 странах. По информации Раджата Нага, управляющего Азиатским банком развития, одному миллиарду людей в Азии уже серьезно угрожает голод, а в Африке, Латинской Америке и на других континентах живет еще один миллиард людей, который подстерегает та же участь. Если будет продолжаться политика свободной торговли, проводимая ВТО, Европейской комиссией и прочими организациями, продовольственные картели и спекулянты будут пользоваться ситуацией, создаваемой углубляющимся системным кризисом мировой финансовой системы для максимального извлечения прибыли, тем самым подстегивая инфляцию, а фермеры не получают ничего. И если центральные банки будут использовать деньги налогоплательщиков для компенсации спекулятивных потерь частных банков, мир захлестнет гиперинфляция, как это было в Веймарской Германии. ООН прогнозирует рост населения планеты в 2050 г. на 33%, до 9 миллиардов человек. Учитывая, что уже сегодня недоедает около 2 миллиардов человек, удвоение производства продовольствия – разумная цель для планирования¹.

Пытаясь понять логику сложившейся глобальной ситуации в мире, как это ни парадоксально, возвращаясь к некоторым экзистенциально-философским основам человеческого поведения. В условиях рыночной конкуренции предельно обостряются противоречия между *индивидуальным* и *коллективным* началами в человеческой природе, между *частным* и *общественным* интересом в побуждениях личности. Как известно, следуя потребностям и интересам, идущим от природы, человек неизбежно сталкивается с такими же потребностями и интересами других людей. В результате образуется обширное пространство конкуренции и конфликта. И. Кант передает данное состояние в “поэтическом” образе: “Человек стремится к гармонии, но природа лучше знает, что хорошо для рода человеческого. Она хочет дисгармонии”. Чтобы в полной мере

¹ *Цент-Ларуш Х.* Смертельная опасность нависла над человечеством! // Экономические стратегии. Центральная Азия. – 2008. – № 3. – С. 26.

развить человеческие способности и силы, природа, как это ни парадоксально, избирает противоборство в качестве главного средства, орудия осуществления указанной цели. Раскрывая суть гражданского общества, Гегель справедливо указывает, что “в гражданском обществе каждый для себя цель, все другие для него ничто”. Вместе с тем без связи и отношений с другими “он не может достигнуть объема своих целей; эти другие суть потому средства для целей”, которые ставит перед собой каждый. Поистине парадокс. *С одной стороны, в гражданском обществе личность может развернуться и активно действовать лишь в условиях конкуренции и соперничества, а это “исключает” других как цель, превращает их в средство. С другой стороны, она может развивать свои созидательные силы только во взаимодействии с другими, что заставляет ее считаться с другими и их целями.* И в этом удивительном социальном пространстве взаимосочетания соперничества и сотрудничества реализуется потенциал каждой личности.

Принцип свободной конкуренции действует только в той части экономики, где царствует частный интерес, восклицает известный экономист Вальрас Леон, а общественный (публичный) интерес обеспечивается совсем иными механизмами, на которые свободная конкуренция не распространяется¹. Дж. Сорос пишет, что капитализм в стадии глобализации отличается от его прежних этапов всепоглощающее стремление к успеху, усиление мотива прибыли и проникновение его туда, где ранее преобладали иные ценности – культурные, профессиональные, нравственные. “Не будет преувеличением сказать, – замечает он, – что деньги правят теперь жизнью людей в большей степени, чем когда-либо раньше”². Если предоставить одним лишь рыночным силам, говорил папа Иоанн Павел II, определять глобальное распределение доходов, то неравенство в международном масштабе будет воспроизводиться и усиливаться. Глобальная экономическая система, в центре которой находится только рынок, а другие регулирующие механизмы отсутствуют, не может обеспечить мировую гармонию.

Разумеется, частный интерес есть движущий мотив экономического развития. Вместе с тем рыночный механизм чрезмерно коммерциализирует

этот интерес. В нем стихийно нарастают элементы эгоистических побуждений, разрушающих целостность общества и парализующих институты государства. То, что происходит в обществе, не может не влиять на государство и его органы. Чиновники, своей функцией призванные защищать общественный интерес и общее благо, напротив, заряжаются частно-эгоистическим духом. Вспомним, даже А. Смит, отдавая дань “невидимой руке” рынка и свободе частного интереса, пришел к заключению, что частным интересом можно пренебречь, когда страна сползает на грань опасности. В таких случаях сдерживающие механизмы закладываются в сознание и поведение людей политической системой, в частности, государством. В развитой рыночной системе экономическое поведение индивидуума определяется этической мотивацией, правовой нормой и идейным духом. В этой системе очень важна роль общепринятых правил, обязательных для каждого участника экономической деятельности. Эти правила, не обладающие нравственным смыслом, правовой легитимностью и идеологическим обоснованием в массовом сознании, не смогут обеспечить бесперебойного функционирования рыночной системы.

Как известно, существует точка зрения, что современная глобализация обслуживает интересы лишь “золотого миллиарда”. Доля истины в такой позиции, наверное, есть. Переход стран экономического авангарда, отмечает известный российский ученый А.Я. Эльянов, в постиндустриальную фазу развития сопровождался замедлением темпов роста, которые не приостановлены до сих пор. Если в 1960-е годы, на завершающем этапе индустриализации, среднегодовые темпы прироста их ВВП достигали 5%, то в 1970-е годы они снизились до 3,1%, в 1980-е – до 2,7 и в 1990-е годы – до 2,2%. Выход из затянувшейся рецессии попытались найти на пути экономической либерализации. Под воздействием некоторых императивов информационно-коммуникативной революции, не без участия правых сил, пришедших в ряде стран этой группы к власти, она тоже затянулась, не обеспечив, однако, вожделенной динамики хиреющего роста, а лишь расшатав его и без того не очень-то высокую устойчивость. Немаловажная роль в ее взбадривании отводилась интенсификации мирохозяйственных отношений, в том числе за счет форсированного развития развивающихся экономик³.

¹ Вальрас Леон. Элементы частной политической экономики, или теория общественного богатства. – М., 2000. – С. 22. – 222.

² См.: Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. – М., 1999. – С. 127.

³ Эльянов А.Я. Развивающиеся страны в контексте глобализации // Восток (Oriens). – 2004. – № 2. – С. 83.

В современной экономической и политической литературе отмечается, что олигархическое мироустройство, которое Никсон, Киссинджер и Джордж Шульц начали создавать 15 авг. 1971 г., после сворачивания Бреттонвудской системы и фиксированных обменных курсов валют, повернувшее экономику в сторону нерегулируемой свободной торговли, завершается сегодня полным крахом. Смена парадигмы в 1971 г., переход от производства к спекуляции, неконтролируемое создание кредита на так называемых оффшорных рынках, таких, как Каймановы острова, где располагается 80% всех хеджевых фондов, привели к сегодняшней экономике казино. С тех пор каждый новый шаг делался в направлении неолиберализма: создание рынка евродолларов, афера с ценами на нефть в 1974 г., ужесточение “условий” МВФ в 1975 г., политика высоких учетных ставок председателя ФРС Поля Волькера, введенная в 1979 г., “рейганомика” и “тетчеризм” 80-х, усиление картелизации в результате слияний и поглощений, волшебные “творческие кредитные инструменты” Алана Гринспена после краха 1987 г., неограниченная глобализация, последовавшая за распадом СССР в 1991 г., перевод промышленного производства в “страны дешевого труда” – все это вехи на пути в одном и том же направлении.

Движение по пути свободной торговли получило дополнительный толчок в результате так называемого “Уругвайского раунда” – заключительных переговоров по Генеральному соглашению о тарифах и торговле, которые покончили с практикой отношения к регулированию сельскохозяйственного производства с учетом продовольственной безопасности. Теперь участники должны строго придерживаться правил свободной торговли, т.е. максимизации прибылей производителей картелей.

В обращении специального комитета за “новую Бреттонвудскую систему” подчеркивается, что действующая модель глобализации сегодня показала себя таким же полным банкротом, как коммунистическая модель в 1989–1991 гг. Все принципы, которые ассоциируются с глобализацией, в частности “аутсорсинг” (вывод операций, требующих высококвалифицированного персонала, в страны с низкими затратами производства), “общество, основанное на акционерной стоимости”, “деньги делают деньги”, производство по принципу “точно вовремя”, “бенчмарки” и т.п., были отринуты. Состояние разваливающейся инфраструктуры стран “Большой семерки” – лучший показатель краха нерегулируемой свободной рыночной экономики.

В итоге идеи о саморегулирующемся рынке в период кризиса доказали свою несостоятельность. Кризисные явления требуют сильной руки государства. В какой-то мере сегодняшний кризис – это расплата за инновацию и либерализм. Нынешнее положение сложилось во многом “благодаря” развитию, казалось бы, положительных передовых тенденций: финансовых нововведений, новых инвестиционных продуктов, разделений рисков, глобализации и взаимосвязи финансовых систем мира. Разумно ли закрываться от финансовых инфекций, захлопнув дверь финансовым инновациям?

До сих пор считается, что *экономическая глобализация* способна привести к формированию *единого и предсказуемого* мира. На чем основывается это предположение? По сути, на одном лишь утверждении, что реализация экономических интересов всегда требует насильственного взаимодействия между людьми, организованного вокруг универсальных принципов обмена деятельностью и товарами. Интересы сближают людей, понятные всем принципы делают их действия предсказуемыми. Но эти аксиомы верны лишь для абстрактного “экономического человека” Адама Смита. Многими не учитывается факт, что ныне ведущим игроком на “поле” международных отношений становится современная корпорация. Субъектом экономических интересов, стоящим за нынешней глобализацией, считает ряд экономистов, выступает не конкретный человек, а *корпорации* – и это меняет все. *Современная корпорация – это не структурированное полугосударственное образование, а широкая сеть, управляемая экономическими целями. Цели эти предполагают эффективное использование существующих в мире различий, а во все не утверждение всемирного единства и солидарности. Эти же цели требуют рыночного поведения, то есть максимальной гибкости и быстроты реакции, что никак не сочетается с предсказуемостью и управляемостью.*

Мы уже не говорим о том, что, опутывая все новые и новые страны, корпоративные сети лишь воздвигают дополнительные разделительные линии между живущими там людьми. Более того. *Объективные закономерности, управляющие экономическим развитием, диктуют необходимость смены менее эффективных форм – хозяйственных и политических – более эффективными. Принцип эффективности, подчеркнем, принесен в мир именно современной его экономизацией.* Безграничный рынок подрывает

основы демократии, навязывает обществу свои законы, против которых бессильны действующие институты и гражданское общество.

Капиталистическая миросистема является своего рода единым экономическим организмом с присущим ей специфическим разделением труда в масштабах всей системы в целом, которое и приводит к тому, что вся система в целом функционирует как единая экономическая машина. Ее функционирование направлено на бесконечное накопление капитала, которое достигается посредством извлечения прибыли (“избытка”) из “периферии” системы (из малоразвитых стран) и перекачки этой прибыли в ее “ядро” (в высокоразвитые страны). Каждый из участников такой экономической “игры” добивается прибыли с помощью максимально выгодного для себя производства и продажи своих товаров. В наиболее выигрышном положении в этой игре оказываются те страны, где производство, торговля и финансы достигли в данный момент высшей стадии развития. Они и становятся *гегемонами мироэкономики*.

В современную эпоху гегемония означает возможность продать свою продукцию на чужих рынках дешевле, чем местную. Это производственное преимущество со временем превращается в торговое, а затем – в финансовое. Все прекрасноразумные лозунги, замечает в данной связи Валлерстайн, выдвигавшиеся на протяжении последних четырех столетий, – от “свободы мореплавания” в XVII в. до “либерализма” в XIX и “демократических свобод” в XX – представляли собой способ навязывать остальному миру нечто вроде оруэлловского принципа: “В торговле все – равны – но некоторые равнее всех остальных”. Нынешний экспорт идеи универсальных “прав человека” и “прав меньшинств” в значительной мере является средством навязывания миру своеобразной идеологии, выгодной лишь некоторым странам. Наряду с этим каждый очередной гегемон стремится навязать миру и свою “культурную гегемонию” в форме широкого распространения своего языка, религии и обычаев, что способствует расширению рынка “собственных” товаров, а также пропаганде “своего” образа мыслей и мировоззрения. Это помогает легитимизировать в массовом сознании статус очередного гегемона.

Никакая гегемония не может быть вечной, поскольку циклический характер развития мироэкономики неизбежно ведет к спаду старых производств и заставляет искать новые

виды товаров, т.е. создавать новые производства. Подобное “реструктурирование” – “перестройка” системы – дает шансы на гегемонию другим странам, способным использовать создавшуюся ситуацию. Одновременно уменьшаются производственные, а стало быть, и внешнеполитические преимущества старого гегемона. Тогда-то на историческую сцену выдвигаются новые претенденты. Начинается очередной виток борьбы за гегемонию в миросистеме. История капиталистической миросистемы есть история смены гегемонов.

«Все общепринятые объяснения смысла событий 1989 года, – пишет И. Валлерстайн, – являются ошибочными. Их ошибочность обусловлена тем, что они направлены на истолкование этих событий в отрыве от широкого исторического контекста. Все они, по терминологии Броделя, “событийно ориентированы”, а не “структурно ориентированы”. Иначе говоря, они не учитывают структуру истории, то есть не ищут в отдельных событиях проявления повторяющихся исторических схем (“парадигм”)».

Размышляя о неустойчивом характере мировых политических процессов, соотношении закономерного и случайного в их развитии, ученые отмечают возникновение нового статуса **случайности** в постнеоклассической науке: она оказывается в центре любого процесса, делая его *нелинейным*, неоднозначным и потому в существенных моментах **непредсказуемым**. В течение двух последних десятилетий методы нелинейной динамики применялись для моделирования и анализа международных процессов, прежде всего, касающихся глобализации. Развитие таких сложных систем, как государства и страны, а также межгосударственные объединения, имеет нелинейный характер и сопровождается резкими трансформациями, в процессе которых неизменно возникает хаотизация. Нелинейная динамика этих процессов означает, что возможности их рационального прогнозирования, централизованного управления и контроля ограничены. Необходимо своевременно распознавать симптомы неустойчивости и возможные параметры тенденций к порядку или беспорядочности, которые могут доминировать в глобальных тенденциях. Но одной диагностики шатких равновесных состояний динамики недостаточно. Следует научиться воздействовать на нестабильные состояния, принимать во внимание нелинейную динамику глобальных процессов. Их нестабильность связана с рядом факторов: геополитическими сдвигами, форми-

рованием “однополярного” мира в конкуренции с его многополярной моделью, активизацией сетей мирового терроризма, распространением ядерного оружия, неустойчивостью международных финансовых рынков, этническими конфликтами, региональными экологическими кризисами, грозящими перейти на глобальный уровень.

Таким образом, процессы глобализации характеризуются как сложные, нестабильные и нелинейные. Утверждается, что для оптимального функционирования глобальный мир должен быть открытым, а возникающие в нем проблемы – решаться с учетом всех потенциальных воздействий, даже предположительно незначительных и случайных. Отсюда следует тезис о возрастании международной роли “креативно-диалоговой культуры”, способной к пониманию “не своих”, иных культурных традиций и установлению отношений сотрудничества с оппонентами. С одной стороны, глобализация тяготеет к приданию мировой цивилизации большей устойчивости, поскольку она работает на увеличение потенциала общечивилизационных составляющих, которыми проще управлять. С другой – она на самом деле провоцирует возрастание неустойчивости мировой системы, поскольку ее результат усложняет мир, делает его более динамичным, сложно организованным, развивающимся не только согласно линейным закономерностям. Нужно ли говорить, что в таком мире смешны и наивны попытки анализировать современные международные отношения по матрицам концепций “баланса сил” или вульгарной геополитики в ее зарубежных и, увы, отечественных исполнениях.

Исходя из констатации нестабильности мира, исследователи обращают внимание на различные аспекты глобального мироуправления. Прежде всего, предлагают ввести в практику стратегического планирования и текущего управления *специализированный мониторинг* текущих международных процессов с учетом их нелинейности и неустойчивости. Такой мониторинг возможен применительно к целям универсальных международных организаций (ООН), региональных союзов (ЕС), междуна-

родных экономических финансовых институтов (ВТО, МВФ). Учет особенностей подобных процессов требует адаптации соответствующих правовых полей, регламентирующих избранные сферы международного взаимодействия. Например, более “прицельного” регулирования самоорганизации мировых рынков или продуманного применения международных силовых санкций (интервенций). Пока же нет оснований предполагать, что уже в ближайшем будущем может быть создана полностью централизованная и эффективная система международного управления.

Кроме того, глобализация рассматривается в литературе как мощнейшая из сложных динамических систем. Складывающаяся “многовекторная неравновесность” заменила биполярную динамику равновесия времен “холодной войны”. Место единственного доминирующего конфликта (Восток-Запад) заняло множество локальных очагов, которые могут дать толчок движению к глобальной катастрофе. “Равновесие ужаса заменяется ужасом неравновесия”. По мнению ряда авторов, в условиях глобализации претензии какой-то одной страны на роль “всемирной державы” рискованны: ни одно государство самостоятельно не сможет исполнять функции регулирования в такой сложной динамической системе, как планетарная глобализация. Наконец, некоторые авторы прямо связывают глобальную неустойчивость современного мира с феноменом однополярной системы при главенствующей роли США. Исследователи пишут о “силах хаоса”, стратегиях “управляемых кризисов” и “управленческого хаоса”. Но, возможно, что концепции нелинейной динамики и теории хаоса можно использовать в интересах “стратегического заказчика на управляемый хаос”, то есть для укрепления доминирующего положения единственной сверхдержавы¹.

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века (http://www.patriotica.ru/actual/panar_strategy.html). См. также: Делокаров К.Х. Глобализация и теория хаоса (<http://spkurdyumov.narod.ru/D4Delokarov.html>).